

может свидетельствовать о том, что татищевское изложение отмечено вполне определенным отбором материала. Думается, это связано с теми требованиями, которые предъявлялись историкам Петровского времени. Как известно, «Петр не только лично интересовался летописями, читал их, но и стремился наладить составление новых летописных историй».²¹ Одно из его основных требований к историкам было — из летописей надо выбирать «что пристойно в историю».²² Сохранение речи Игоря, где он кается в своих грехах, в том, что взял «на щит» город Глебов у Переяславля, отлучал «отец от рождения своих, а подруга от подруги» — сохранение такой речи в официальном труде не с лучшей стороны показывало бы деяния русских князей и все происходившее в Древней Руси. Возможно, что как раз это и явилось причиной исключения исповеди Игоря из рассказа «Истории».

Вообще из рассказа Татищева исключены все покаяния, молитвы, исповеди. Последовательное их устранение тесно связано со взглядами Татищева, который считал, что «не все делается от бога, но много и от человека».²³ Такая правка летописных текстов была характерна для Татищева. Еще А. Е. Пресняков в 1905 г., сопоставляя Никоновскую летопись, которая находилась у Татищева, с «Историей Российской», отмечал, что «Татищев вытраивает из летописи Никоновской клерикальный дух».²⁴ И сам Татищев признавался, что, как писал он, «изымал» из «Истории» все, «не надлежащее к светской летописи».²⁵

Это еще один факт, свидетельствующий о неточном воспроизведении Татищевым памятника, об изменении его смысловой и художественной системы.

Сравнительный анализ текстов обнаруживает, что рассказ Ипатьевской летописи не только переосмыслен, сокращен в «Истории Российской», но и дополнен. Так, например, появляется сцена встречи Игоря с княгиней, известие о тысяцком Рагуиле и др.

Принадлежат ли дополнительные сведения В. Н. Татищеву или летописцам, нам неизвестным? Ученые дают разные ответы на вопрос. По мнению акад. М. Н. Тихомирова, «эти дополнения (в рассказе об Игоре, — Л. С.) странно считать выдумкой, так как во времена Татищева не было известно „Слово о полку Игореве“, не возникало споров, да и не могло возникнуть вокруг этого неизвестного тогда произведения. Какая же цель была Татищеву выдумывать известия о тысяцком Рагуиле».²⁶

С. Л. Пештич допускает, что при описании событий XII в. чтения Ермолаевского списка были дополнены Татищевым по «Раскольниковской летописи», которая и до сего дня остается загадкой. «Но нет оснований, — пишет С. Л. Пештич, — относить все татищевские известия к этому не дошедшему до нас источнику, тем более если учесть, что Татищев систематически ссылаясь на Раскольниковую летопись, когда хотел показать происхождение того или иного известия».²⁷

После текстологического анализа рассказа об Игоре по Ипатьевской летописи и в двух редакциях «Истории Российской» можно

²¹ А. Н. Насонов. Летописные памятники хранилищ Москвы. — В сб.: Проблемы источниковедения, т. IV, Изд. АН СССР, М., 1955, стр. 281.

²² Там же, стр. 284.

²³ А. А. Галактионов. Социально-политические и философские взгляды В. Н. Татищева. — Уч. зап. ЛГУ, вып. 7, № 190, Л., 1956, стр. 171.

²⁴ А. Е. Пресняков. ЛОИИ, собр. А. Е. Преснякова, № 55, лл. 5—6.

²⁵ В. Н. Татищев. Предъизвещение. — В кн.: ИР, т. IV, 38.

²⁶ М. Н. Тихомиров. О русских источниках «Истории Российской» Татищева. стр. 49.

²⁷ С. Л. Пештич. Русская историография XVIII в., ч. I, стр. 258.